

—... Какое, к чёрту, «угадай»? — Цзян Чу раздражённо уставился на закрытую дверь Цинь Цзуй. — Хромает, как калека, а форсу-то сколько.

Угадать он не угадал бы, а уж попробовать — и подавно не мог. Да и как? С Цинь Цзуйем? Что именно?

Цзян Чу вспомнил ту ночь, когда этот мелкий ловким кувырком повалил его на кровать. Копчик до сих пор глухо ныл при одном воспоминании.

И как только в башку ему такое пришло, да ещё язык повернулся вякнуть без тени смущения? «Попробуй».

Цзян Чу пытался убедить себя, что эта дурацкая фраза про «попробуй» — лишь способ перевести тему, но всё равно почему-то думал об этом всю ночь напролёт. Неужели Цинь Цзуй уже успел с кем-то «попробовать»?

Мать твою, и с кем же?!

С Лян Сяоцзя?

Да ну, бред. Если бы у них с Сяоцзя что-то наклёвывалось, они бы давно уже сошлись, а не устраивали эти бессмысленные драмы.

Из-за этого дурацкого вопроса Цзян Чу и во сне не нашёл покоя — ему снилось, как Цинь Цзуй «пробует». Причём в роли подопытных выступали поочерёдно то Лян Сяоцзя, то Ду Мяомяо, то Гао Ся... и даже он сам.

Сначала образы хаотично сменяли друг друга. Вот Цинь Цзуй ведёт за собой Лян Сяоцзя, но в следующий миг его уже тащит ловить светлячков Ду Мяомяо. Потом перед глазами возник Гао Ся, по-панибратски закинувший руку парню на плечо и легонько постучавший пальцами по гипсу на его голени. Стоило сновидению вернуться в стены их квартиры, как сознание начало прокручивать бесконечную вереницу моментов с Цинь Цзуйем.

Как он мажет его мазью, как разрезает штанину... Спина в полумраке ванной, изгиб ягодич. Пальцы, сжимающие кадык младшего, и хриплое, надрывное «брат». Пепельница, больно впившаяся под поясницу...

Под конец сон окончательно потерял связь с реальностью, превратившись в какой-то безумный артхаусный монтаж. Цзян Чу привиделось, будто Цинь Цзуй стоит в ванной, упёршись одной рукой в кафель, а второй усердно наяривает подрагивающую игрушку-мастурбатор. Сам Цзян Чу бесцеремонно распахивает дверь с криком: «Цинь Цзуй!», но тот даже не думает останавливаться — лишь слегка хмурится и, повернув голову, пристально смотрит на него. Тут под ногами внезапно проносится Чжоу Тэн, в доме гаснет свет, а ладонь Цзян Чу накрывает

знакомое ощущение тепла — то самое, когда он ухватил Цинь Цзюя во время падения.

И тут прямо с неба раздался звучный старушечий голос:

— Дворцовый эликсир старинный, сто восемьдесят за бокал... Узнай, каков напиток дивный, я спою тебе шквал похвал...

От этой какофонии Цзян Чу резко выкинуло из сна. Он распахнул глаза, уставившись в потолок. На тумбочке надрылся мобильник:

— Да обычная это эрготу, разбавленная водичкой из-под крана...

Этот дурацкий рингтон они когда-то ради шутки поставили на спор с Да Бэнем. Цзян Чу потянулся, отключил будильник и только тогда заметил, что его собственная рука каким-то образом оказалась в трусах, намертво сжимая напряжённый орган.

—... Блядь, — нахмурившись, он сел на кровати и уставился на свой утренний стояк.

Совсем крыша едет. Сколько он уже не трахался? Месяц? Два? С ума сойти можно.

— Как по мне, ты просто больной на всю голову, — Да Бэнь с шумом отхлебнул из чашки травяной чай. — Сам, что ли, школу не проходил? Ну завёл пацан интрижку, и что с того? Парни в его возрасте только этим и занимаются.

Цзян Чу не стал раскрывать ориентацию Цинь Цзюя. Он лишь попытался аккуратно, намёками выразить беспокойство по поводу «ранних отношений» брата, но Да Бэнь прервал его на полуслове.

— И вообще, ты сам-то замечаешь? Стоило притащить мелкого в дом, как у тебя все разговоры только о нём. Цинь Цзуй то, Цинь Цзуй сё... Ты сейчас выглядишь точь-в-точь как те безумные мамы из соцсетей, которые круглыми сутками спямят фотками своих детей, кошек или собак. Проходу от них нет.

— Да ладно тебе, преувеличиваешь, — усмехнулся Цзян Чу. — Я вот Чжоу Тэна почти не выкладываю.

— Ещё бы ты его выкладывал! — Да Бэнь поймал губами кусочек сушёного боярышника из чая и смачно выплюнул его обратно. — Кот похож на бультерьера, хвастаться тут особо нечем.

— Фу, придурок! — Цзян Чу брезгливо поморщился.

— Так, решено. Я создам для тебя и Лао Ду отдельный чат, — Да Бэнь достал телефон.

— Что ещё за чат?

— «Будущие одинокие старики и их приёмные сыночки-корзиночки». Ну или «Клуб гиперпекающих отцов-одиночек».

— Ну и бред у тебя в башке, — Цзян Чу долго не мог перестать смеяться.

Но в словах друга была доля правды. Цзян Чу и сам понимал: с появлением Цинь Цзюя его привычный мир перевернулся.

Раньше он жил в своё удовольствие, без каких-либо забот. Занимался мелким бизнесом, лениво руководил конторкой, по выходным зависал с Да Бэнем и другими парнями. Полная свобода и автономия.

А теперь о ком бы ни заходила речь, мысли неизбежно возвращались к Цинь Цзюю.

Пока тот ходил в школу, всё было проще. Но стоило Цинь Цзюю сломать ногу, как Цзян Чу потерял покой. Он постоянно опаздывал на встречу с клиентами, уходил с работы раньше времени, а в офисе то и дело ловил себя на том, что витает в облаках, придумывая, чем бы таким вкусным и полезным накормить больного брата. Все дела компании он фактически переложил на плечи Да Бэня и остальных.

Ребята и так пахали без продыху. Сегодня утром он видел Тан Цай — бедняжка как раз переделывала проект в четвёртый раз из-за капризного заказчика, её волосы были взъерошены так, будто по ним прошёл ураган.

«Надо бы как-то загладить вину и устроить им разгрузку», — подумал Цзян Чу.

— Давайте вечером после работы завалимся куда-нибудь поужинать, — предложил он. — За мой счёт. Всей конторой.

— О, аттракцион щедрости! Кого зовём? Только наших или Фан Цзы тоже подтянем? — оживился Да Бэнь.

— Только своих, офисных. — Цзян Чу вытащил телефон и быстро настрочил сообщение Цинь Цзюю. — К моему мелкому сегодня одноклассники обещали зайти, надо дать им немного личного пространства.

— Мы уже на подходе. Твой брат дома? — спросил в трубку Гао Ся. — Нам надо купить какие-нибудь фрукты для приличия?

— Нет его, расслабься и не парься, — ответил Цинь Цзуй. Он доковылял до балкона, приоткрыл окно и посмотрел вниз, на въезд во двор. Половина седьмого вечера, на улице уже стемнело. — Поднимайтесь сразу. Первый корпус, второй подъезд, квартира 403.

— Что значит «не парься»? — возмутился Гао Ся. — Это искренняя забота любящих одноклассников! Оцени масштаб моей преданности: кроме меня, провести тебя вызвались только эти два бездельника, да и те чисто поржать.

Затем он тут же сменил тон:

— Короче, ничего покупать не будем, лучше у тебя дома доставку закажем. А то Ду Мяомяо с Лу Яо сейчас застряли перед огромной корзиной с фруктами метра полтора в ширину. Я вовремя их оттащил. Если бы мне пришлось тащить эту дуру на четвёртый этаж, я бы предпочёл вернуться в школу и решать задачи по тригонометрии.

Цинь Цзуй хмыкнул и сбросил вызов.

На душе стало странно тепло. Он вдруг поймал себя на мысли, что за всю жизнь к нему никогда не приходили школьные друзья, чтобы просто «потусоваться».

Там, в родном захолустье, его у ворот встречал только Лян Сяоцзя, чтобы вместе пойти на уроки. Больше желающих соваться в дом, где жил беспробудный алкоголик, не находилось.

Да и сам Цинь Цзуй не горел желанием общаться со сверстниками. Приличные ребята обходили его стороной, а связываться со шпаной и местными хулиганами не хотелось. Изредка они, конечно, пересекались — зависали в дешёвых забегаловках или прогуливали уроки в прокуренных компьютерных клубах, но настоящей дружбой там и не пахло.

В те мрачные годы, когда его ненависть к Цинь Шумань достигла апогея, он возвращался домой, видел отца, спящего на диване в обнимку с пустой бутылкой и оглушительно храпящего на весь дом, и чувствовал, как внутри закипает глухая ярость. В такие моменты ему казалось, что он видит собственное будущее — такое же серое, безысходное и убогое. От этого осознания хотелось выть, но выхода не было.

Тогда кто-то сказал ему: «Любые перемены начинаются с малого. Изменится твоё окружение — изменишься и ты. Либо изменись сам, и тогда мир вокруг тебя станет другим. Но главное — сделать первый шаг, сдвинуться с этой мёртвой точки. Глупо надеяться, что всё наладится само собой, если ты будешь просто сидеть и ждать».

Тогда Цинь Цзуй думал, что его единственный шанс вырваться из этого болота — сдать экзамены и уехать. Поступить в любой университет, лишь бы подальше от дома.

И вот теперь он здесь. Его жизнь сделала крутой вираж, изменилось абсолютно всё — от быта до людей вокруг. Будто все прошлые восемнадцать лет страданий были платой за встречу с Цзян Чу. И Цинь Цзуй до сих пор не мог понять, повезло ему в этой жизни или, наоборот, провидение просто решило над ним поиздеваться, выдав столь щедрый аванс.

Увидев, как весёлая троица ввалилась во двор, Цинь Цзуй прикинул время, пока они поднимутся на лифте, и заранее открыл дверь. Ду Мяомяо как раз занёс руку, чтобы постучать, и едва не вписался кулаком парню прямо в нос. Перепугавшись, он резко отшатнулся.

— Ого, ну и слух у тебя, — хмыкнул Гао Ся.

— Математический расчёт. — Цинь Цзуй достал из шкафа припасённые Цзян Чу одноразовые тапочки и бросил гостям.

— Ну как твоя нога? — Лу Яо протянула ему большой крафтовый пакет с пирожными и, обуваясь, с любопытством заглянула в гостиную. — Вы тут вдвоём с братом живёте, а у вас так чисто. Нетипично для парней.

— Наверняка только что прибрались, — в один голос заявили Гао Ся и Ду Мяомяо.

Цинь Цзуй молча показал им большой палец, а Лу Яо фыркнула:

— Сразу видно — мужская солидарность.

На самом деле ребята пришли по той же причине, о которой говорил Гао Ся — просто прогулять вечерний класс под благовидным предлогом. Однако, устроившись на диване, все почувствовали лёгкую неловкость.

Присутствие девушки накладывало свои ограничения. Будь они чисто мужской компанией, можно было бы расслабиться: залипнуть в приставку, развалиться на полу или включить какой-нибудь фильм. Но при Лу Яо парни, обычно не отличавшиеся примерным поведением в школе, старались держать себя в рамках приличия.

Цинь Цзуй разлил сок, выставил на стол фрукты и распаковал пирожные. Все дружно усадились в экран телевизора, лениво щёлкая каналы.

— И вы с братом вот так каждый день кукуете дома? — Ду Мяомяо, пользуясь тем, что его отец дружил с Цзян Чу, чувствовал себя как дома. Он бродил по квартире со стаканом сока в руке.

— Скуотища, наверное?

— Кстати, да, — согласился Гао Ся, безуспешно пытаясь найти хоть один нормальный телеканал. — Выходит, вы оба сироты при живых родителях? Один с братом живёт, другой с дядей.

— Нормально, не скучно, — Цинь Цзуй пододвинул оставшееся пирожное Лу Яо.

— Ой, не надо, я после шести не ем, на диете. Оставь брату, только обязательно передай, что это от меня, — Лу Яо отмахнулась, но тут её взгляд упал на балкон, откуда настороженно выглядывала круглая мордочка Чжоу Тэна. — О боже, у вас есть кот! Какая прелесть... Погодите, а почему он так странно выглядит?

Она тут же убежала тискать кота. Ду Мяомяо спросил, где комната Цинь Цзуя, и пошёл на разведку. Гао Ся развалился на диване, разглядывая загипсованную ногу хозяина дома, а затем принялся нехотя вытаскивать из рюкзака стопку тестов по математике.

Не успел он достать и половины, как из спальни раздался приглушённый вопль Ду Мяомяо:

— Мать моя женщина! Цинь Цзуй, иди-ка сюда быстро!

— Чего там у тебя? — лениво отозвался Гао Ся.

— И ты иди! Живо, без лишних вопросов! — хохотнул Ду Мяомяо. Он выскочил в гостиную, сделал телевизор в два раза громче и потащил парней за собой в комнату, на ходу крикнув Лу Яо: — Лу Яо, тебе вход воспрещён! Мы тут трусы Цинь Цзуя примерять будем!

— Дебилы озабоченные! — донёсся с балкона её крик. Лу Яо даже не повернулась, увлечённо дразня кота бумажкой.

— Какие ещё трусы? — ухмыльнулся Гао Ся, ткнув Цинь Цзуя локтем в бок. — У тебя там что, коллекция кружевного белья?

Первое, о чём подумал Цинь Цзуй, были те самые шёлковые боксёры с леопардовым принтом, которые Цзян Чу купил ему смеха ради в первый же день. Они так и валялись в самом углу шкафа, даже ни разу не стиранные.

— Ты что, в моём шкафу рылся? — Цинь Цзуй отвесил Ду Мяомяо лёгкий подзатыльник.

— Вот ещё! — Ду Мяомяо потёр затылок. — Да что с вами, братьями, не так? Почему вы все бьёте по одному и тому же месту?

Он затащил парней в спальню, достал со стеллажа продолговатую картонную коробку и победно потряс ей перед их носами:

— Ты держишь это прямо на книжной полке?! Твой брат тебе за такое вторую ногу не переломал?

— Охренеть! — Гао Ся присмотрелся и так и прыснул со смеху. — Это реально то, о чём я подумал?

Он прикрыл дверь комнаты, забрал у Ду Мяомяю нераспечатанную коробку с игрушкой-мастурбатором и, повертев её в руках, с уважением посмотрел на хозяина комнаты:

— Цинь Цзуй, ну ты даёшь. Силён!

Цинь Цзуй только хмыкнул. Рассказывать им о том, что вторую ногу ему никто ломать не собирался, потому что эту хрень ему подарил сам же старший брат, он не стал. Из них двоих главным затейником был как раз Цзян Чу, у которого от обилия безумных идей у самого могли ноги отняться.

Глядя на их горящие любопытством глаза, Цинь Цзуй усмехнулся, открыл тумбочку и выудил оттуда флакон согревающей смазки Дюрекс, бросив её парням.

— Это ещё че... — Гао Ся поймал бутылочку, прочитал этикетку и снова заржал во весь голос.
— Ну ты подготовился! Полный боекомплект!

Ду Мяомяю перехватил флакон, повертел его и с брезгливым визгом швырнул обратно Гао Ся:

— Бля, она же открытая! Он ей уже пользовался!

— Тихо вы, — Гао Ся присел на край кровати, Ду Мяомяю примостился рядом. Они с заговорщицким видом принялись вертеть в руках коробку. — Слушай, а её открыть можно? Тут плёнка целая. Ты её только купил? Давай распакуем, глянем хоть!

— Валяйте, — разрешил Цинь Цзуй.

Он и сам её ни разу не открывал. Как-то раз порыв возник, но его вовремя остановило странное, почти пугающее ощущение, будто использование этой штуки станет своеобразным суррогатом самого Цзян Чу. Он сдержался и убрал коробку подальше.

— Если коробка запечатана, то куда ты смазку-то извёл? — поинтересовался Ду Мяомяю, разрывая плёнку.

— Руками пользовался, — спокойно ответил Цинь Цзуй.

— О-о-о, — Гао Ся понизил голос до интимного шёпота. Когда парни заходят на эту тему, в них всегда просыпается первобытный азарт. — Ну и как оно? Прикольно?

— Нормально, — Цинь Цзуй не хотел вдаваться в подробности. В конце концов, в гостиной сидела Лу Яо, и устраивать такие бурные обсуждения мужских игрушек при ней было просто некрасиво.

— Твою же... — Ду Мяомяо вытряхнул игрушку-мастурбатор из коробки, но стоило ему рассмотреть силиконовую текстуру, как он отшвырнул её Гао Ся, словно та была раскалённым углём. — Нифига себе, она реально так выглядит?!

— Обалдеть, — Гао Ся заглянул внутрь игрушки и нервно сглотнул. — Какая... детализация. Как настоящая.

— А ты что, настоящую уже видел? — тут же подколот его Ду Мяомяо.

— Картинки в интернете никто не отменял, придурок, — Гао Ся показал ему средний палец.

— Ладно, посмотрели и хватит. Убирайте, — Цинь Цзуй поморщился, глядя на реалистичные формы силиконового изделия.

— Реально ни разу не пробовал? — Гао Ся снова пихнул его локтем.

— А ты сам-то хочешь примерить? — Ду Мяомяо выхватил игрушку-мастурбатор у друга и попытался в шутку прижать её к паху Гао Ся. — Давай, зацени девайс!

— Отвали! Своё предлагай, а тут хозяин есть! — Гао Ся увернулся и попытался перенаправить траекторию силиконовой штуковины обратно на Цинь Цзую.

В самый разгар этой возни дверь спальни внезапно распахнулась.

Решив, что это Лу Яо, парни в панике попытались спрятать компромат под себя, изображая нелепую кучу-малу. Но когда они обернулись, то увидели на пороге Цзян Чу.

Тот стоял, крепко сжимая дверную ручку, и с немым шоком созерцал открывшуюся картину: трое парней на одной кровати, зажатая между ними силиконовая игрушка-мастурбатор и укатившийся прямо на живот Цинь Цзую флакон согревающей смазки Дюрекс.

—... Брат, — первым выдавил Гао Ся.

Цзян Чу промолчал. Цинь Цзуй заметил, что от него пахнет алкоголем, а скулы и веки слегка

покраснели.

Из коридора слышались шаги Лу Яо. Цзян Чу перевёл взгляд на злополучный девайс, выразительно ткнул в его сторону пальцем, бросил короткое: «Быстро приберите это безобразие» и мгновенно захлопнул дверь.

<http://bllate.org/book/18398/1868815>